

УДК 94(517)

БАЗАРОВ Борис Ванданович — д.и.н., член-корреспондент РАН; директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; bazarov60@mail.ru)

ВАНЧИКОВА Цымжит Пурбуевна — д.и.н., главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; vanchikova_ts@mail.ru)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. В статье анализируются экономическая политика и система Монгольской империи через ее основные институты. В своей политике монгольский императорский двор исходил из признания единоличной собственности хагана по отношению ко всей территории, имуществу и производительным силам. В системе этих тотальных взаимоотношений определилась мощная организационно и политически оформленная система отношений и управления ресурсами. Благодаря этой системе во владении императора и монгольской элиты был консолидирован колоссальный финансово-экономический ресурс, намечены накопительные механизмы и значительные перераспределительные функции, позволявшие эффективно содержать и развивать государство. Монгольская казна пополнялась и за счет военной добычи. После завоевания главной статьей дохода казны становятся натуральная рента, налоги и подати, дань, контрибуции, торговые операции, займы. Система налогообложения складывалась эволюционно, приспосабливалась к конкретным обстоятельствам и являлась частью глубоко продуманной общеимперской политической системы.

Ключевые слова: Монгольская империя, государство, император, экономическая система, налоги, подати, армия, власть

Для более полного изучения истории монгольской государственности необходимо иметь ясное представление об экономической политике в Монгольской империи, т.к. без знания этого вопроса невозможно сделать сколько-нибудь объективные выводы о вкладе монголов во всемирную историю. В статье сделана попытка рассмотреть административно-экономическую систему монгольской государственности через ее основные институты.

В своей политике монгольский императорский двор исходил из главного подхода: все, что находится на территории государства, — собственность хагана, и он ею единолично распоряжается. Эта концепция нашла отражение в высказывании снохи Чингисхана Соркуктани-беги: «Мы тоже [ведь] принадлежим каану, он — властитель; все что признает правильным, то и приказывает» [Рашид-ад-дин 1952: 278]. О безмерной власти императора писал Плано Карпини: «И следует также знать, что все настолько находится в руке императора, то есть имущество, выучный скот и сами люди... говоря кратко, император и вожди берут из их имущества все, что ни захотят, и сколько хотят. Также и личностью их они располагают во всем, как им будет благоугодно» [Плано Карпини 1911: 23-24].

К моменту вступления Угэдэя на престол в состав империи входили Северный Китай, Восточный Туркестан, значительная часть областей Ирана и Кавказа. Прав В.В. Бартольд, который пришел к следующему заключению: «Доказано, что, несмотря на произведенное монголами опустошение, первое время существования монгольской империи было временем экономического и культурного расцвета для всех областей, которые могли пользоваться последствиями широко развившейся при монголах торговли и более тесного, чем когда-либо прежде и после, культурного общения между западной и восточной Азией» [Бартольд 1926].

Очевидно, завоеванные территории находились под прямым правлением императора. Непосредственными административными главами завоеванных стран были назначаемые Угэдэем даругачины — военные наместники и тамгачины — начальники палаты государственных сборов. В странах, где монголы опирались на представительство из местных феодалов, последние находились под надзором монгольских

специальных представителей налоговой службы – баскаков. Территория Китая, в частности, была разделена на 10 областей, установлены пункты сбора податей, и в каждое такое место были определены по 2 чиновника. В Китае были учреждены специальные казенные палаты, ведающие сбором хлеба и денег по округам, областям и уездам [Бичурин 1829: 162]. Эти палаты были созданы в целях унификации доставки и учета продукции натурального обложения.

Для исчисления налоговых поступлений была проведена перепись населения в Северном Китае, Армении, Грузии и Иране. Перепись 1236 г. в Северном Китае установила численность податного населения в размере 1 040 тыс. семейств, или домов [Бичурин 1829: 264]. На Кавказе перепись была проведена несколько позднее, в 1254–1255 гг. По данным Стефана Орбелиани, в это время по «великому дартару числилось во владениях Апага-хана [Абагай-хана, сына Хулагу] 150 туманов; в каждом тумане – 10 тыс. человек» [Патканов 1871: 83–84].

Насколько были тяжелы налоги для населения Кавказа, свидетельствует сочинение инока Магакии: «И разорили они восточную страну еще более тем, что в малейшей деревне насчитывали от 30 до 50 человек, начиная с 15-летних и кончая 60-летними; и с каждой головы, попавшей в запись, брали по 60 белых» [Патканов 1871: 23–24], т.е. серебряных монет. Тяжесть налогов усугублялась еще и тем, что сбор их нередко отдавался откупщикам, например в Иране и Китае.

В эпоху Чингисхана в Монгольском государстве был учрежден эквивалент денежной единицы балыш – золотой и серебряный. По данным персидского историка XIV в. Вассафа, балыш весил около 2,25 кг. Золотой балыш стоил 2 000 динаров, а серебряный – 10 динаров [Barthold 1959: 621].

Разменная китайская монета была медной или бронзовой. Рубрук указывает, что размер дани, установленной для живущих в Кара-Коруме китайцев, равнялся 1 500 яскотам, поясняя, что один яскот был равен куску серебряного слитка «весом в 10 марок» [Рубрук 1911: 111–112]. Яскоты, видимо, были самой распространенной монетой в Монголии и имели эквиваленты не только в уделах империи, но и за ее пределами.

В 1286 г. при императоре Угэдэе были введены в обращение бумажные ассигнации на сумму 10 тыс. малых слитков, т.е. на 50 тыс. унций серебра. Ассигнации имели название цзяо-чао [Бичурин 1829: 261]. Одновременно был издан устав об обращении ассигнаций. О них упоминает и Рубрук: «Ходячей монетой в Китае служит бумажка из хлопка шириною и длиною в ладонь, на которой изображают линии, как на печати Мангу» [Рубрук 1911]. Ни Европа, ни другие азиатские страны в XIII в. ассигнаций еще не знали. Более обстоятельно об ассигнациях сообщает Марко Поло: «В Канбалу монетный двор великого хагана... Изготавливается по его приказу такое множество этих денег, что все богатство в свете можно ими купить... когда бумажка от употребления изорвется или испортится, несут ее на монетный двор и обменивают, правда, с потерей трех на сто [ассигнаций], на новую и свежую... если кто пожелает купить золота или серебра <...> то идет на монетный двор великого хана, несет с собой бумажки и ими уплачивает за золото и серебро, что покупает у управляющего двором» [Марко Поло 1955: 119–120].

Бумажные деньги имели хождение в Китае. Что касается обращения ассигнаций в самой Монголии, в 1296 г. в развалинах Хара-Хото П.К. Козлов обнаружил ассигнации времени Юаньской династии с надписью на монгольском языке. Поэтому можно предполагать, что ассигнации употреблялись в Монголии при династии Юань. В 1294 г. ассигнации пытались ввести в Иране, что встретило активное сопротивление со стороны местного населения, и бумажные ассигнации в Иране были отменены [Рашид-ад-дин 1946: 135].

В начале 1230 г. Угэдэй приказал организовать сбор пошлин по китайским областям из следующего расчета: с вина – 10%, а с прочих товаров – один с тридцати [Рашид-ад-Дин 1946: 152]. В 1236 г. был издан указ о введении пошлин на привозные товары. По «Тун-цзянь ган-му» купцам было предписано платить пошлину из расчета один к тридцати, также была установлена пошлина на соль: за 40 гинов соли – унция серебра [Бичурин 1829: 265–266].

Во владении императора и монгольской элиты в период имперского владычества

сосредоточивались несметные богатства. Часть их образовывалась посредством военной контрибуции. Так, например, при завоевании Тангутского государства в Монголию было поставлено большое число верблюдов – основного транспортного средства при международной торговле.

«Сокровенное сказание» сообщает, что при завоевании Месопотамии Угэдэй назначил главнокомандующего войском Чормахан-хорчина главным государственным сборщиком налогов и пошлин для ежегодной поставки в столицу империи следующих произведений и товаров: желтого и литого золота, парчи и штофов, золоченых вышивок местной работы, жемчуга, перламутра, породистых коней, верблюдов и мулов разных пород, павлинов [Козин 1941: 193–194].

Монгольская казна пополнялась за счет ограбления чужих стран, военной добычи, особенно в первый период военных походов. После того как эти страны были завоеваны, главной статьёй дохода казны становятся налоги и подати, дань, контрибуции, торговые операции, займы.

Прообразом податей и налогов, которые были введены в царствование императора Угэдэя, можно считать так называемый рацион, провиант (*ši'üsün-šüsün*) – натуральную повинность простых монголов в пользу своего господина. Эта повинность выражалась «в предоставлении мелкого скота на убой и в отправлении в ставки феодалов на срок известного количества дойных животных, главным образом кобылиц» [Владимирцов 1934: 113]; со временем эта повинность превратилась уже в государственную. Упомянутая натуральная рента, несомненно, как заключает Б.Я. Владимирцов, существовала еще до образования Монгольского государства [Владимирцов 1934: 114].

Из имеющихся источников трудно составить ясное представление о налоговой системе, действовавшей в Монгольской империи. Однако понятно, что она не была одинаковой в разных ее частях. По заключению Г.Е. Грумм-Гржимайло, монголы старались применить к налоговой системе, действовавшей в той или иной стране ранее. Введение налогов в самой Монголии и упорядочение их в завоеванных странах приписывается Угэдэю, правившему с 1228 по 1241 г. В 1235 г. при Угэдэй-хане на курултае в местности Талан-Дабэ был установлен копчур со скота и налог на посевы [Рашид-ад-дин 1960: 36]. Копчур – это пастбище и налог с пасущихся на нем стад в размере одной головы с каждой сотни голов скота, т.е. один процент стада. Он взимался преимущественно с кочевников, т.к. земледельцы не имели больших стад. Копчур платили и монголы, входившие в состав монгольского войска [Бартольд 1911: 32].

В «Сокровенном сказании» говорится, что надлежит взимать по одной овце с каждой сотни овец «в пользу неимущих и бедных» [Козин 1941: 197]. Судя по источнику, этот налог имел всеобщий характер для скотоводческого населения Армении, Грузии, Ирана, Китая и, возможно, других завоеванных стран, а также для монголов внутренних районов Монгольского государства. То, что копчур первоначально предназначался в пользу бедных, подтверждается следующим фрагментом из «Сборника летописей»: «Раньше, когда существовали их обычаи и правила [т.е. обычаи и законы, характерные для монгольского обычного права], со всего монгольского войска выделяли ежегодно обедневшим ордам и дружинам копчур лошаадьми, овцами, волами, войлоком, крутом и прочим» [Рашид-ад-дин 1946: 281].

На том же курултае Угэдэй-хан упорядочил взимание налога шулен и постановил ввести «ежегодную натуральную повинность со всего народа, со всех тысяч по одному двухлетнему барану со стада на царское продовольствие...» [Козин 1941: 198]. По-видимому, этот натуральный налог касался исключительно монгольского населения. Как копчур, так и шулен представляли собой натуральную продовольственную повинность, которую несло в основном кочевое население в пользу императорского дома: самого хагана и четырех царевичей – владельцев уделов. В китайском тексте «Сокровенного сказания» указ Угэдэй-хана об упорядочении названных двух повинностей сформулирован более подробно: «Со стад народа каждый год брать только по одному двухгодовалому кладеному барану и обваривать его... с сотни баранов брать по одному барану для вспоможения бедным того улуса» [Кафаров 1866: 162].

Таким образом, на основе сопоставительного анализа разных источников можно заключить следующее: копчур предназначался для «вспоможения бедным», т.е. был своего рода социальным налогом, происхождение которого идет из старинного обычного права монголов. Со временем он утратил социальное предназначение и превратился в государственный налог. Шулен распространялся только на самих монголов и был официальным государственным налогом. В Армении и Грузии налоги копчур и мал были введены нойоном Аргуном [Патканов 1873: 88]. Копчур собирался со всего монгольского войска и ежегодно выдавался обедневшим ордам и дружинам, т.к. войско обычно сопровождали их семьи. Поэтому в их прокормлении были заинтересованы сами владельцы улусов и другие феодальные владельцы. Так обстояло дело в монгольских гарнизонах, расположенных на территории Ирана. При иль-хане Газане, при дворе которого состоял сам Рашид-ад-дин, копчур утратил первоначальное значение и превратился в обычный налог, взимающийся как с кочевников (в т.ч. с монголов), так и с оседлых жителей Ирана. Об этом свидетельствует список указа иль-хана Газана о порядке взимания налогов с населения его улуса, где упоминаются копчур и подати с оседлых ра'иятов, копчур и подати с кочевников [Рашид-ад-дин 1960: 260].

На курултае 1235 г. была проведена реформа старинного монгольского налога ундана – натурального налога кумысом дойных кобыл. Согласно «Сокровенному сказанию», император предложил унифицировать организацию поставки ундана в следующем высказывании: «Как можно допускать такой порядок, когда с народа в каждом отдельном случае взимается и питьевая натуральная повинность – ундан – при сборах с него очередных нарядов людьми и лошадьми. В устранение этого необходимо повсюду от каждой тысячи выделить кобыл и установить их подой; поставить при табунах доильщиков, выставить постоянно сменяемых распорядителей кочевьями, нунтукчинов, которые одновременно будут и унгучинами, заведующими конским молодняком» [Козин 1941: 197]. Повинность ундан, видимо, распространялась только на монголов.

Тогда же, в 1235 г., Угэдэй-хан повелел, «чтобы с каждых десяти тагаров пшеницы дали один тагар для расходования для бедных» [Рашид-ад-дин 1960: 36]. Тагар в монгольском языке означает «мешок, меру хлеба», который равнялся 750 фунтам. По армянским источникам, в Армении и, видимо, вообще на Кавказе тагар заключался в следующем: «С каждой головы [очевидно, с каждого мужчины], вошедшей в перепись, монгольские сборщики податей и налогов брали 100 литров пшеницы, 50 литров вина, 2 литра рису, 3 мешка, 2 веревки, 1 белую [серебряную монету], 1 стрелу, 1 подкову, с 20 штук рогатого скота – одну штуку и 20 серебряных монет. Кто не имел возможности заплатить все перечисленное, у тех отбирали сыновей и дочерей» [Патканов 1871: 71], т.е. тагар был налогом подушным.

В сельскохозяйственных странах назначение тагара, видимо, было в обеспечении войска, императорского двора зерном и фуражом. В некоторых подвластных монголам странах сборщики податей распространили тагар на другие виды продовольствия и даже на деньги.

По сведениям Плано Карпини, монголы практиковали воинскую повинность, так называемую «плату кровью» от завоеванных народов: «чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они им давали десятую часть всего, как от людей, так и от имущества. Именно они отсчитывают десять отроков и берут одного и точно так же поступают и с девушками; они отвозят их в свою страну и держат в качестве рабов. Остальных они считают и распределяют согласно своему обычаю» [Плано Карпини 1911: 33].

Угэдэй приказал обложить китайцев, обитавших по северную сторону от Желтой реки, податью, считая по домам, т.е., очевидно, по семьям или хозяйствам: «каждые два семейства или дома должны были вносить в казну один гин шелка; пять семейств обязаны были предоставлять один гин шелка для раздачи «именитым свойственникам» и заслуженным чинам. С одного му (1 200 кв. фунтов) лучшей земли каждая семья обязана была вносить в казну по 3,5 гарнца проса, с одного му плохой земли – 2,5 гарнца. С одного му водяных пашен должны были сдавать в казну по 5 гарнцев риса [Бичурин 1829: 265].

В параграфе, посвященном племени тангутов, Рашид-ад-дин упоминает Унаган-нойона, который начальствовал над главной тысячей Чингисхана. «В тот век, — пишет Рашид-ад-дин, — всякого рода подати и повинности, как то: калан, улаг, шусун, ингерджак, аргамчи и прочие, которые представляют войскам, всем этим удовлетворяли по справедливости тысячу человек Чингис-хана и тех, кто принадлежал лично его особе. И это [все] давали по слову Унаган-нойона» [Рашид-ад-дин 1952: 145].

Улаг — это подводная повинность. Что касается термина «калан», то он трактуется у Рашид-ад-дина как «дань» [Рашид-ад-дин 1952: 145] и как «воинская повинность» — в армянских источниках. Так, например, Магакия пишет: «Между тем великие и независимые князья грузинские, кто волей, кто неволей сделались их [т.е. монголов] данниками, как мы выше писали, и каждый с известным числом всадников, смотря по состоянию, вступал к ним в халан» [Патканов 1871: 11]. Тамга (монг. *tamγa*) — буквально «клеймо», «сбор», «пошлина», по-видимому, аналогична гербовому сбору в современных государствах.

Следует отметить, что в Монгольской империи монастыри и церкви были освобождены от какого-либо налогообложения независимо от конфессиональной принадлежности.

Подводя итоги сказанному выше, следует подчеркнуть, что административно-экономическая деятельность в разные периоды существования монгольской государственности и империи отличалась, с одной стороны, стремлением унифицировать налоговую систему, а с другой — необходимостью учитывать специфику хозяйственных укладов и традиций разных народов и государств, введенных в орбиту монгольского политического доминирования. Ряд традиционных для монголов сборов постепенно превратились в государственные налоги, распространившиеся в пределах империи. Часть из них легла на местное население, чтобы обеспечить войско провиантом и денежным довольствием. Разнообразно и практическое применение одного и того же по названию налога как в разных краях империи, так и в хронологическом разрезе.

Важно отметить, что система налогообложения складывалась эволюционно, приспособлялась к конкретным обстоятельствам и являлась частью глубоко продуманной общеимперской политической системы. На наш взгляд, в рамках современного процесса глобализации уникальный опыт монгольской государственности имперского периода со своими достижениями и просчетами становится актуальным и должен быть тщательно изучен во всей исторической полноте.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии». Проект №14-18-00552.

Список литературы

Бартольд В.В. 1911. *Персидские надписи на стене Анийской мечети Мануче*. СПб.: Тип. Имп. акад. наук. Анийская серия. № 5. 44 с.

Бартольд В.В. 1926. *История изучения Востока в Европе и России*. 2-е изд. Л.: Ленинградский институт живых восточных языков. 152 с.

Бичурин Н.Я. 1829. *История первых четырех ханов из дома Чингисова* / пер. с кит. монахом Иакинфом. СПб.: Тип. К. Крайя. XVI. 441 с.

Владимирцов Б.Я. 1934. *Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм*. Л.: Изд-во и тип. АН СССР. 233 с.

Кафаров П. 1866. *Старинное монгольское предание о Чингисхане Юань-чао би-ши [Сокровенное сказание о положении монголов]* (пер. с кит., с прим. арх. Палладия). Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 4. СПб.: Тип. В. Безобразова. 260 с.

Козин С.А. 1941. *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Юань чао би ши*. Т. 1. *Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии*. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 626 с.

Марко Поло. 1955. *Книга Марко Поло* (пер. со старофранц. И.П. Минаева; ред. и вступ. ст. И.П. Магидовича). М.: Географгиз. 376 с.

Патканов К.П. 1871. *История монголов инок Магакии, XIII в.* СПб.: Тип. Имп. акад. наук. 104 с.

Патканов К.П. 1873. *История монголов по армянским источникам.* Вып. I. СПб.: Тип. Имп. акад. наук. 140 с.

Плано Карпини. 1911. История Монгалов. – *Плано Карпини И., Рубрук В. История Монгалов. Путешествие в Восточные страны.* СПб.: Тип. А.С. Суворина. 232 с.

Рашид-ад-дин. 1946. *Сборник летописей* (пер. с перс. А.К. Арендса). Т. III. М.-Л.: 1-я тип. Изд-ва АН СССР. 340 с.

Рашид-ад-дин. 1952. *Сборник летописей.* Т. I. Кн. 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 995 с.

Рашид-ад-дин. 1960. *Сборник летописей.* Т. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 248 с.

Рубрук В. 1911. Путешествие в восточные страны. – *Плано Карпини И., Рубрук В. История Монгалов. Путешествие в Восточные страны* (введ., пер. и прим. А.И. Малеина). СПб.: Тип. А.С. Суворина. С. 79-194.

Barthold W. 1959. *The Encyclopedia of Islam.* Vol. I. Leiden-London.

BAZAROV Boris Vandanovich, Dr.Sci.(Hist.), Head of Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6, Sah'janovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047 bazarov60@mail.ru)

VANCHIKOVA Tsymzhit Purbuevna, Dr.Sci.(Hist.), Chief Researcher, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6, Sah'janovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; vanchikova.ts@gmail.com)

THE ECONOMIC SYSTEM OF THE MONGOL EMPIRE

Abstract. The article analyzes economic policy and system of the Mongol Empire through studying their basic institutions. In its policy the Mongol imperial court proceeded from the recognition of individual property of the Khan over the entire territory, property and the productive forces. This system of total relations determined both the most powerful organizational and politically organized systems of relations and resource management. Due to this system, in the possession of the emperor and the Mongol elite enormous economic and financial resources were consolidated, not only planned storage mechanisms, but also significant redistributive functions allowed to effectively maintain and develop the state. Mongolian treasury replenished by plundering other countries, especially at the first period of military campaigns. Once these countries were conquered, the main source of income of the treasury became natural rent, taxes, tribute, indemnities, trading and loans. Administrative and economic activities in the different periods of the Mongolian statehood and empire differed. The taxation system has been created evolutionarily. It was adapted to particular circumstances and was a part of deeply thought empire-wide political system.

Keywords: Mongol empire, state, emperor, economic system, taxes, imposts, army, power
